

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ**

**БУДДИЙСКАЯ ТРАДИЦИОННАЯ САНГХА РОССИИ
ДАЦАН ГУНЗЭЧОЙНЭЙ**

УЧЕНИЕ БУДДЫ В РОССИИ

250 лет институту Пандито Хамбо-лам

**Издательство «Петербургское Востоковедение»
Санкт-Петербург
2015**

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Санкт-Петербургского дацана Гунзэчойнэй*

Печатается по решению Ученого совета ИВР РАН

Редакционная коллегия:

доктор ист. наук проф. *И. Ф. Попова* (председатель);
Б. Б. Бадмаев; доктор ист. наук проф. *В. Л. Успенский*;
кандидат филол. наук *А. В. Зорин* (ответственный редактор);
А. А. Сизова (секретарь)

Рецензенты:

доктор филол. наук *И. В. Кульганек*; кандидат ист. наук *Н. В. Цыремпилов*

Учение Будды в России: 250 лет институту Пандито Хамбо-лам. — СПб.:
Петербургское Востоковедение, 2015. — 186 с. + вклейка.

Сборник подготовлен на основе материалов научно-практической конференции «К 250-летию Института Пандито Хамбо-лам в России», состоявшейся в ИВР РАН и Дацане Гунзэчойнэй 15—18 сентября 2014 г. и собравшей вместе представителей научных, религиозных и культурных учреждений России, Монголии и Польши. Подготовленная на ее основе книга может быть полезной для востоковедов, религиоведов и всех интересующихся историей буддизма в России.

Editorial Board:

Prof. Dr. *I. F. Popova* (chief editor); *B. B. Badmaev*; Prof. Dr. *V. L. Uspensky*;
Dr. *A. V. Zorin* (executive editor); *A. A. Sizova* (secretary)

Peer-reviewed by:

Dr. *I. V. Kulganek*; Dr. *N. V. Tsyrempilov*

The Buddhist Traditions of Russia: Commemorating the 250th Anniversary
of the Lineage of the Pandita Khambo Lamas. — St. Petersburg: St. Pe-
tersburg Centre for Oriental Studies Publishers, 2015. — 186 p.

The book is based on the proceedings of the conference entitled, *On the Occasion of the 250th Anniversary of the Creation of the Institution of the Pandito Khambo Lamas in Russia*, held at the Institute of Oriental Manuscripts, RAS, and Datsan Kunzechoinei, on September 15—18, 2014. The conference brought together representatives of various academic, religious and cultural institutions of Russia, Mongolia and Poland. The collected papers of this conference will be of use and interest for scholars in Oriental and religious studies, as well as for all those interested in the history of Buddhism in Russia.

ISBN 978-5-85803-488-9

9 785858 034889

© Коллектив авторов, 2015

© Институт восточных рукописей РАН, 2015

© Петербургское Востоковедение, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	6
Вместо предисловия (<i>В. Л. Успенский</i>).	8
От Забайкалья до столицы: из истории Санкт-Петербургского дацана (<i>Б. Б. Бадмаев</i>)	11
<i>Цонгоол Б. Нацагдорж</i> . Буддийский фактор в общемонгольской идентичности российских бурят в XVIII в.	15
<i>В. А. Беляева-Сачук</i> . Буддийское влияние на современный культ гор у тункинских бурят.	37
<i>Б. Б. Бадмаев (Ширетэ Лама Джампа Доньед), М. Р. Измайлов</i> . Тибетская медицинская практика эмчи-лам	48
<i>Ю. И. Елихина, Л. И. Крякина, А. М. Щеглов (Цультим Лама)</i> . Атрибуция и проблемы реставрации некоторых буддийских изображений из собрания Санкт-Петербургского дацана	57
<i>Ю. И. Елихина</i> . Культ Ваджрапани в искусстве буддизма	67
<i>Ю. В. Болтач</i> . Деятельность монаха Шунь-дао и официальное признание буддизма в государстве Когурё (по данным корейских источников эпохи Корё)	81
<i>А. В. Зорин</i> . О тибетских текстах с берегов Иртыша, поступивших в Санкт-Петербург в первой трети XVIII в.	102
<i>Т. В. Ермакова</i> . Подход Санкт-Петербургской буддологической школы к изучению буддийских монастырей Тибета (1890-е—1910-е гг.)	119
<i>С. С. Сабрукова</i> . Послание Далай-ламы XIII к тибетскому народу. Документ из фонда Д. А. Клеменца (по материалам Архива востоковедов ИВР РАН)	134
<i>Д. В. Иванов</i> . Фотографии русских купцов с Алтая, торговавших в Монголии в конце XIX—начале XX в.	140
<i>М. Ф. Альбедиль</i> . О необуддизме Б. Д. Дандарона	145
<i>Б. М. Нармаев, Е. Ю. Харькова</i> . Лама Данзан-Хайбзун Самаев в воспоминаниях друзей, коллег, родных	155
<i>О. С. Хижняк</i> . Архивные документы и фотоматериалы на выставке, посвященной 250-летию Института Пандито Хамбо-лам	172
<i>А. И. Андреев</i> . Рецензия на книгу: <i>А. А. Терентьев</i> . Буддизм в России — царской и советской. Старые фотографии. СПб.: Нартанг, 2014. 484 с., ил.	183

Б. М. Нармаев, Е. Ю. Харькова

ЛАМА ДАНЗАН-ХАЙБЗУН САМАЕВ В ВОСПОМИНАНИЯХ ДРУЗЕЙ, КОЛЛЕГ, РОДНЫХ

Статья посвящена памяти ламы-гелонга Данзан-Хайбзуна (Федора Сергеевича) Самаева (1954—2005), видного религиозно-государственного и общественного деятеля. Получив классическое буддийское образование в Монголии и Индии, Д.-Х. Самаев посвятил свою жизнь возрождению буддизма в России. В самые сложные годы социально-экономических перемен он был настоятелем Санкт-Петербургского дацана Гунзэчойнэй и восстановил его как религиозный, образовательный и культурный центр. Одним из важных направлений его деятельности было сохранение природы и сакрального ландшафта Окинского и Тункинского районов Республики Бурятия.

В данной статье содержится обзор опубликованных воспоминаний о Д.-Х. Самаеве, а также представлены новые, ранее не публиковавшиеся.

Ключевые слова: Данзан-Хайбзун Самаев, буддизм в России, Санкт-Петербургский дацан Гунзэчойнэй, Окинский и Тункинский районы Республики Бурятия.

В 2014 г. исполнилось бы шестьдесят лет гелонгу Данзан-Хайбзуну (в миру Федору Сергеевичу) Самаеву (31.03.1954—10.07.2005), одному из виднейших буддийских священнослужителей России второй половины XX—начала XXI в. (рис. 33—34). Ф. С. Самаев прожил недолгую жизнь, но оказал значительное влияние на развитие буддизма в Петербурге и у себя на родине, в Бурятии. О нем уже немало сказано и написано, сняты два фильма, проводятся ставшие традиционными Самаевские чтения. Мы поставили перед собой цель сделать обзор опубликованных воспоминаний о Д.-Х. Самаеве, а также представить новые, ранее не публиковавшиеся воспоминания о нем.

© *Бадма Мархаджиевич Нармаев* — кандидат филологических наук, доцент Восточного факультета СПбГУ, 2015, *Елена Юрьевна Харькова* — кандидат исторических наук, независимый исследователь, 2015

Фёдор Сергеевич Самаев родился в поселке Орлик Окинского района Бурятии. По происхождению он окинский сойот¹. Родители дали ему имя Федор в честь академика Федора Ипполитовича Щербатского (1866—1942), выдающегося представителя российской буддологической школы [Шаглахаев, 2014: 53].

Окончив Орликскую среднюю школу с серебряной медалью, шестнадцатилетний Федор мечтал о поступлении в ЛГУ. Его сестра З. С. Самаева в своих воспоминаниях пишет:

У него было желание поступить на тибетское отделение в Ленинградский университет. К сожалению, в Орлике не было преподавателя иностранного языка. У Феди аттестат блистал пятерками, а в графе иностранный язык был прочерк [Самаева, 2014: 13].

После окончания подготовительного годичного курса Бурятского педагогического института, в 1971 г., Федор Самаев поступил на отделение тибето-монгольской филологии Восточного факультета Ленинградского государственного университета.

Учился он успешно: обладая большими лингвистическими способностями, быстро осваивал тибетский, монгольский, английский языки. Увлеченно изучал и специальные востоковедные дисциплины. Среди его учителей были известный тибетолог доцент Б. И. Кузнецов (1931—1985), монгольский ученый преподаватель монгольского языка Ж. Лувсандорж. Ж. Лувсандорж вспоминает:

Тогда среди студентов этого отделения, помимо русских, были буряты — Федор Самаев и Лыгжима Доржиева², а также Анна Цендина³ (дочь выдающегося монгольского ученого Ц. Дамдинсүрэн). Они выделялись тем, что умели говорить по-монгольски <...> Федор Сергеевич Самаев был одним из самых моих любимых студентов и коллег, это был человек, отличающийся большой ученостью [Лувсандорж, 2006: 25—26].

¹ Окинские сойоты — коренной малочисленный народ, проживающий в Окинском районе Республики Бурятия.

² Лыгжима Халоупкова (р. 1954) — дочь профессора Жигжитжапа Доржиевича Доржиева (1917—1999), многие годы возглавлявшего Музей им. Г. Цыбикова в Агинском. Ученый-тибетолог, переводчик, долгие годы преподавала тибетский язык в Пражском университете. — *Примеч. авторов.*

³ Анна Дамдиновна Цендина (р. 1954) — доктор филологических наук профессор ИВКА РГГУ, член диссертационных советов РГГУ, ИВ РАН, ученый секретарь Общества монголоведов РАН, член редколлегии серии «Памятники письменности Востока» (СПб.). Специалист в области монгольской и тибетской филологии. Занимается проблемами монгольской литературы XVII—XIX вв., монголо-тибетскими литературными связями. — *Примеч. авторов.*

В жизни Федора Сергеевича произошел настоящий переворот, когда он в числе других студентов отправился на практику в Монголию. В 1975 г. он прошел стажировку в Монгольском государственном университете (*Монгол улсын их сургууль*) на отделении монгольского языка, много занимался классическим монгольским языком с Ж. Лувсандоржем, посещал академика Ц. Дамдинсурэна, много времени проводил в монастыре Гандан, в библиотеках Улан-Батора. Лыгжима Халоупкова (Доржиева) вспоминает о том времени:

Поездка в Монголию оказала сильное влияние на его мировоззрение, он решил оставить светское учебное заведение в Ленинграде и продолжить образование в области классических буддийских наук в Улан-Баторе [Самаева, 2014: 16].

Судьбоносной для него оказалась встреча с монгольским ламой Зундын Пурэвжамсо (1905—1985), большим ученым и практиком, который впоследствии стал его коренным учителем [Шаглахаев, 2014: 54]. Тогда Федор Самаев сделал свой выбор: после четвертого курса, в 1975 г., он по собственному желанию ушел из университета, и так начался новый этап его непростого пути.

Один из авторов данной статьи доцент Восточного факультета СПбГУ Б. М. Нармаев вспоминает:

Я учился на отделении тибетской филологии в группе, предшествовавшей группе, в которой учились Ф. Самаев, А. Цендина, Л. Доржиева, ленинградка Т. Евдокимова и В. Поляев из Калмыкии. В то время Восточный факультет ЛГУ был единственным светским учебным заведением в стране, где преподавался тибетский язык, и поступить на него было непросто. Федя удивлял своим сформировавшимся конкретным интересом к буддизму, к изучению тибетского и монгольского языков как ключей к традиционной для бурят, калмыков, тувинцев основанной на буддизме культуре. При всей своей приверженности восточной буддийской учености Ф. Самаев хорошо сознавал достижения западных наук, в частности буддологии. Он тщательнейшим образом изучал труды европейских и российских буддологов. Как-то, уже после того как Ф. Самаев стал духовным лицом, он, приехав в Ленинград, пришел в университетскую библиотеку и засел за изучение буддологических изданий. «Это — как золото!» — сказал он мне тогда. Так, например, во многом благодаря настоятелю Ф. С. Самаеву Санкт-Петербургский дацан издал русский перевод «Введения в классический тибетский язык» С. Ходжа, переиздал «Учебник тибетской медицины» А. М. Позднеева. Думаю, что выбери он научную карьеру — стал бы видным ученым-буддологом. Федя говорил, что хочет изучить буддизм также «изнутри», обучаясь у лам. Очевидно, что это желание сыграло свою решающую роль в его уходе из университета после четвертого курса. Ф. Самаев получил и светское европейское, и духовное восточное образование, но никогда не прекращал совершенствовать свой внутренний

мир, был знающим, гуманным и скромным человеком. В 1990-х гг., когда он был настоятелем петербургского дацана, лама Самаев, блестяще зная тибетский и монгольский языки, пригласил меня преподавать в дацане, сказав при этом: «Только сейчас начинаю что-то понимать в буддизме». Узнав, что моя мама страдает пиелонефритом (воспалением почек), лама решил по возможности помочь незнакомому человеку и передал для нее кусочек освященного нефрита, так как в восточной медицине считается, что такой камень может помочь больному. Ф. Самаев был не просто искренне практикующим буддистом, но и духовным наставником. По-моему, это значит, что человек живет, руководствуясь идеалами буддизма — стремлением к просветлению через мудрость и сострадание, а его личность оказывает большое положительное влияние на окружающих.

А вот письмо с воспоминаниями о Ф. С. Самаеве, полученное нами от доктора филологических наук профессора Калмыцкого государственного университета Т. С. Есеновой:

Говорят, что студенческие годы — самые лучшие годы жизни, а студенческие друзья — самые лучшие. По истечении времени начинаешь это осознавать, и жизнь подтверждает правильность этого умозаключения. С Самаевым Федором мы учились в одни годы на одном факультете, жили в одном общежитии, много общались, дружили, особенно в первые годы обучения на младших курсах. Он казался старше и мудрее нас. Он, кажется, поступил в ЛГУ после подготовительного факультета. Когда мы, приехавшие из разных городов, еще ничего не знали о городе и университете, учебе, он уже был в курсе всего, поэтому нам помогал советами. Он жил в одной комнате с нашими однокурсниками, где собрались отличники, очень серьезно относившиеся к учебе, много внимания уделявшие занятиям. Они постоянно учили тексты, читали книги, готовились к занятиям серьезно. В редкие минуты отдыха мы выходили погулять по городу. Федя всегда заводил интересные разговоры о душе, памяти и т. п., что нам, неподготовленным, было трудно понять. Мне казалось, что он интересуется философскими проблемами, не связанными с реальной жизнью семнадцатилетних студентов первого курса.

Сессию он сдавал всегда успешно, учился увлеченно. После стажировки в Монголии он, как нам казалось, резко изменился. Как нам тогда объяснили, он не захотел служить в армии, поэтому решил оставить университет. Это было для всех шоком: отличник, примерный студент добровольно оставляет вуз! Все сожалели. Вероятно, он уже тогда знал, чего хочет, и твердо шел к своей цели.

На несколько лет наша связь оборвалась. Он уехал домой, иногда доходили о нем скудные сведения.

Когда в конце 1980-х гг. я приехала в командировку в Улан-Удэ, мы встретились с Федей в Иволгинском дацане, где он служил. Он ответил на мои вопросы, прочитал молитвы. Я уезжала с уверенностью,

что все в порядке, каждый нашел свой путь в жизни, занимается своим делом, тем, что приносит удовлетворение.

В 1990-е гг. мы вновь встретились с Федей в Петербурге. Страна бурно менялась, наступали демократические перемены. В Петербурге стал функционировать буддийский храм, службу в нем проводил Федя, тогда уже закончивший обучение в Индии. Мы нередко встречались в храме, беседовали, тогда он рассказал о своем пути в буддийское учение. Он подарил фотографию, на которой он сфотографирован с Его Святейшеством Далай-ламой XIV, благословляющим своих учеников.

Насколько мне известно, он оказал влияние на нашего друга и однокурсника Поляева Владимира, который стал первым ламой в Калмыкии в 1990-е гг. Федя бывал и у нас, в Калмыкии, он внес вклад в становление буддизма в республике.

Сейчас я думаю — наверное, еще в молодости Федя был буддистом, жил по-буддийски. Он никогда не повышал голос, говорил всегда спокойно, не спорил, не навязывал своего мнения. Всегда был уравновешенным, сдержанным, с застенчивой улыбкой на устах. Наши молодежные вечеринки по случаю сдачи сессии и т. п. он не посещал, жил праведно и правильно. Он в юности выбрал свой путь, шел непроторенной дорогой, ломал стереотипы: светский человек, вступивший на путь буддийского учения в период тоталитаризма⁴.

Вернувшись в Бурятию из Ленинграда, Федор Сергеевич устроился работать сторожем в Иволгинский дацан, изучал буддийскую астрологию, подолгу занимаясь в монастырской библиотеке. Большую роль в его духовном становлении сыграли Пандито Хамбо-лама Жамбал-Доржи Гомбоев (1897—1983) и ученый лама Мунхын Лхасаран (1909—1986), один из учителей Ф. С. Самаева. О Лхасаран-ламе З. С. Самаева вспоминает так:

Он обладал огромным духовным потенциалом, присущим ламам старшего поколения. Общение с ним поразило пытливое сознание Фёдора <...> Лхасаран-лама по-отечески и с пониманием относился к нему, с годами их дружба переросла в духовные взаимоотношения Учителя и ученика [Самаева, 2014: 19].

После шести лет попыток вернуться в Монголию, чтобы получить духовное образование и продолжить общение с учителем, в 1980 г. Ф. С. Самаев поступил в Буддийский университет им. Дзанабадзара в улан-баторском монастыре Гандан Тэгченлин. В 1984 г. он досрочно окончил курс по специальности *цаннид* и от своего учителя Пурэв-жамсо получил духовное имя Ширап-Жамсо. Вернувшись на родину, он стал ламой Иволгинского дацана, жил и работал рядом с Лхасаран-ламой — их дома 30-й и 31-й соседствовали в жилом комплексе дацана. Большую роль в его судьбе играли контакты с уроженцем Оки ла-

⁴ Электронное письмо Т. С. Есеновой Б. М. Нармаеву от 2 августа 2014 г.

мой Идам-Суреном Жалсановым (1910—1993), учеником Агвана Доржиева (1853—1938), от которого Ширап-Жамсо многое узнал об этом великом человеке. Как вспоминает З. С. Самаева:

Он был единственным в Оке из старых лам, к которому с интересом обращался с вопросами Ширап-Жамсо лама. Их общение было взаимно интересным, Идам-Сурен лама часто ездил в Иволгинский дацан встречаться с Ширап-Жамсо [Самаева, 2014: 20].

В 1987 г. Ширап-Жамсо Самаев в составе группы лам с Чимит-Доржи Дугаровым, ныне известным эмчи-ламой, и Чой-Доржи Будаевым, который впоследствии (1994—1995) занимал пост Пандито Хамбо-ламы, отправился на двухгодичную стажировку в Индию в Институт диалектики под эгидой Его Святейшества Далай-ламы XIV, а также в Гоман-дацан монастыря Дрэпун в Южной Индии. В Гомане он получал наставления от известного буддийского ученого, выходца из Бурятии, Агван-Нимы Цыдыпдоржиева (1907—1990), который в возрасте пятнадцати лет с помощью Агвана Доржиева отправился на учебу в Тибет вместе с другими девятью одаренными бурятскими юношами [Болсохоева, 2008: 100; Кенсур Агван Нима, 1996: 11—13].

Все они стали высокообразованными ламами. С 1977 по 1980 г. Агван Нима был настоятелем Гоман-дацана монастыря Дрэпун в Индии. Лама Даши Шаглахаев, ученик Д.-Х. Самаева, настоятель Хойморского дацана, пишет о встрече Ширап-Жамсо и Агван-Нимы:

Первые слова при встрече ламы Агван-Нимы с Д.-Х. Самаевым: *«Амар удаан шамаяа хулээгээ гээшэбиб»* («Как долго я тебя ждал»). Действительно состоялась встреча двух великих буддийских личностей, двух великих сознаний прошлого и настоящего времени [Лама Данзан-Даши, 2011: 39].

В 1990 г. Ш.-Ж. Самаев получил полное монашеское посвящение *гелона* и новое духовное имя Данзан-Хайбзун от Его Святейшества Далай-ламы XIV и вернулся на родину.

Важный этап деятельности ламы Д.-Х. Самаева связан с его работой по восстановлению Санкт-Петербургского буддийского храма как религиозного, образовательного и культурного центра. Этой работе он посвятил семь лет (1991—1997).

После возвращения в 1989 г. ленинградского буддийского храма буддийской общине города встал вопрос о приглашении буддийского духовенства. Первым настоятелем Дацана был назначен лама Эрдэм Цыбикжапов, который не смог приступить к своим обязанностям, так как был избран депутатом Верховного Совета РСФСР. Тогда буддийская община Ленинграда обратилась с письмом в ЦДУБ СССР с просьбой назначить настоятелем Дацана Данзан-Хайбзуна Самаева:

его хорошо помнили в городе со времен студенчества, уважали за образованность, широту кругозора и решительность — те качества, которые были необходимы в годы восстановления буддийской традиции в России. Проф. А. О. Бороноев пишет:

Приход Федора Самаева в храм был настоящим везением. Он прекрасно знал Ленинград (Санкт-Петербург), не чурался быта и культуры мегаполиса, имел хорошее светское и духовное образование [Бороноев, 2006: 24].

В начале 1991 г. лама Д.-Х. Самаев был утверждён в должности настоятеля и одновременно по решению собрания общины верующих возглавил Совет общины при Дацане. 14 февраля 1991 г., в день новогоднего хурала, Управлением юстиции исполкома Ленинградского горсовета народных депутатов была зарегистрирована буддийская организация «Дацан Гунзэчойнэй», объединявшая духовенство и верующих.

Началась долгая кропотливая работа по возрождению дацана Гунзэчойнэй. Вспоминает Буда Бальжиевич (Джампа Доньёд) Бадмаев, настоятель (*шэрээтэ*) Санкт-Петербургского дацана Гунзэчойнэй:

Время пребывания Д.-Х. Самаева в качестве *шэрээтэ* в Санкт-Петербургском дацане — первая половина и середина 1990-х. На его долю как *шэрээтэ* выпали трудные начальные годы после передачи Дацана верующим. До того — длительный период использования храма в качестве здания технического назначения, на момент передачи — проломленная крыша и затопленные подвалы. К тому же начало 1990-х — это еще и трудные годы смены политико-экономической формации в России. Излишне говорить, насколько было трудно, вернее, невозможно решить сразу огромный комплекс проблем не только религиозного, но и организационного характера в условиях социально-политической неразберихи, остро кадрового и материального неблагополучия 1990-х.

Очень важно, что в тот трудный период были предприняты усилия заложить позитивные и продуктивные связи с местом пребывания — городской средой, с учреждениями и представителями культуры Санкт-Петербурга. Такая позиция находилась в полном соответствии с традицией Санкт-Петербургского дацана периода его становления при Агване Доржиеве, времен сотрудничества с плеядой выдающихся деятелей науки, с Ф. И. Щербатским [Андреев, 2004: 51—56].

Работа по восстановлению культового наполнения Дацана была развернута также в традиции Дацана времен А. Доржиева и *зурачинов* — Осора Будаева⁵ и Гэлэг-Чжамцо Цэвэгийна (Цыбакова)⁶: молельный

⁵ Осор Будаевич Будаев (1886/7—1937) — бурятский лама, известный мастер-иконописец, исследователь буддийского искусства, музейный работник. Работал над созданием внутреннего убранства дацана Гунзэчойнэй

зали стали постепенно наполнять предметы бурят-монгольского декоративно-прикладного искусства. Монгольскими мастерами *in situ* была изготовлена большая алтарная статуя Будды. Базовый материал — папье-маше. Нимб из саянского нефрита мы изготовили в мастерской подвального помещения. Благодаря настоятелю Д.-Х. Самаеву, с начала 1990-х гг. в Дацане появляются бурят-монгольские иконы-*тангка*, в том числе и вековой давности. Вполне вероятно, что здесь не обошлось без влияния известного бурятского иконописца Данзана Дондокова (1895—1983)⁷, с дочерью которого, Нимацырен Дондовой⁸, также бурятской художницей, Д.-Х. Самаев состоял в кратковременном браке в середине 1980-х гг. *Тангка* в Дацане сохранились, отреставрированы и служат культовым целям в составе регулярно пополняющегося собрания.

В 2013 г. в ограде дацана Гунзэчойнэй установлена мемориальная мраморная доска (архитектор — В. Б. Бухаев⁹) в память о настоятелях, усилиями которых был сохранен Санкт-Петербургский дацан, среди них Федор Сергеевич Самаев — *шэрээтэ*-лама Данзан-Хайбзун¹⁰.

Следуя заветам Агвана Доржиева, Данзан-Хайбзун приступил к возрождению института послушничества и философской школы, ос-

по приглашению Агвана Доржиева в 1912—1915 гг. и в 1930-х гг. — *Примеч. авторов.*

⁶ Гэлэг-Чжамцо Цэвэгийн (1886—?) — известный бурятский мастер-иконописец, участвовал в работах по созданию внутреннего убранства дацана Гунзэчойнэй. — *Примеч. авторов.*

⁷ Данзан Дондоков (1895—1983) — выдающийся бурятский мастер живописи *тангка*, родился в улусе Загустай Селенгинского ведомства. Духовное образование получил в дацанах Бурятии и Монголии, где среди прочих буддийских наук изучал трактаты по иконографии. Художник известен не только как живописец, но также как резчик по дереву и мастер, работавший в технике папье-маше. Его *тангка* имеются в Иволгинском и Агинском дацанах, в Калмыцкой государственной картинной галерее (Элиста), в Государственном музее истории религии (Санкт-Петербург). — *Примеч. авторов.*

⁸ Нимацырен Данзановна Дондокова (р. 1951) — известный мастер живописи *тангка*, ученица своего отца Данзана Дондокова; реставратор, искусствовед. В 1988 г. окончила Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина, факультет искусствоведения. Член Союза художников России. Работы Н. Д. Дондовой находятся во многих музеях России. — *Примеч. авторов.*

⁹ Вячеслав Баяндаевич Бухаев (р. 1946) — известный архитектор и скульптор, действительный член Российской академии художеств, член Союза архитекторов России, народный художник Республики Бурятия. — *Примеч. авторов.*

¹⁰ Электронное письмо Б. Б. Бадмаева Б. М. Нармаеву от 6 октября 2014 г.

нованной на традиции Гоман-дацана монастыря Дрэпун¹¹. Лама Даши Шаглагоаев так оценивает религиозную деятельность ламы Самаева:

Обладая широким кругозором, лама Д.-Х. Самаев точно оценил масштаб стоящих перед духовенством проблем и пытался найти ответ на вопрос, как возможно возрождение гелугпинского буддизма в стремительно меняющейся реальности нашей страны. Он вел проповедническую деятельность и учреждал новые буддийские общины не только в Бурятии, но и в других республиках Российской Федерации — Туве, Якутии, на Алтае, — в европейской части России и на Украине. В Санкт-Петербургском дацане Гунзэчойнэй проходили курс обучения хуварак из разных районов Бурятии, а также из Калмыкии, Тувы, Якутии и Санкт-Петербурга. Он первым из молодого поколения буддийского духовенства нашей страны принял обеты гелонга. Им была предпринята попытка возобновить изучение буддийской философии (*цаннид*), эпистемологии и логики в дацане Гунзэчойнэй. С этой целью из Гоман-дацана монастыря Дрэпун (Южная Индия) был приглашен *геше ламбармба* Чжамьян Кьенце, который преподавал в дацане для духовенства и мирян с 1993 по 1996 г. [Лама Даши Шаглагоаев, 2009: 32].

Для того чтобы *хуварак* и миряне могли непрерывно слушать учение, требовался переводчик. Эту невероятно сложную работу долгие годы вела канд. ист. наук Р. Н. Крапивина, старший научный сотрудник СПбФ ИВ РАН (ныне ИВР РАН).

В 1995—1997 гг. Данзан-Хайбзун занимал должность *дид-хамбо*, в обязанности которого входило устанавливать и поддерживать связи с международными буддийскими центрами и общинами разных стран. Он налаживал контакты с зарубежными буддийскими организациями и священнослужителями, приглашая их для проповедей. В дацане Гунзэчойнэй уже в 1992 г. проповедовали и читали лекции ламы, представляющие традицию тибетского буддизма (геше Туптэн Агван, возглавлявший Тибетский центр в Гамбурге, и настоятель Гоман-дацана монастыря Дрэпун в Индии Лобсан Тенпа Ринпоче), а также учителя других традиций (Тхить нят хань — учитель традиции вьетнамской дхьяны, Камалашила — член Западного буддийского ордена, американский ученый А. Берзин и другие). Особым событием стал приезд в Санкт-Петербург и Бурятию Его Святейшества Сакья Тризина (1995). Данзан-Хайбзун и сам часто ездил за границу, в частности в

¹¹ Система обучения, принятая в монастырях Дрэпун и Лавран, базировалась на учебных, философских и доктринальных сочинениях, созданных линией воплощений Чжамьяна Шейпы. Первый Чжамьян Шейпа Агван Цондуй (1648—1721), основатель Лаврана, получил степень геше в Гоман-дацане монастыря Дрэпун, а затем стал настоятелем этого дацана, для которого он писал учебники по философии и логике.

США, где встречался с последователями Геше Вангьяла¹², ученика Агвана Доржиева, и получил ряд оставшихся от него реликвий.

В электронном письме Б. М. Нармаеву от 27 октября 2014 г. А. И. Андреев сообщает о научных контактах Д.-Х. Самаева с исследователями из Великобритании:

Петербургский буддийский храм в начале 1990-х стали часто посещать западные светские буддисты, прежде всего европейские. Самаев был, несомненно, харизматичной личностью, что привлекало к нему самых разных людей со всех уголков света. Так, во многом благодаря Ф. Самаеву я познакомился и подружился с английским буддистом Джоном Снеллингом (John Snelling), который в то время собирал материалы для книги об Агване Доржиеве, и его другом, также буддистом и буддологом, Стефеном Бэтчелором (Stephen Batchelor) (Бэтчелор перевел для Джона тибетскую автобиографию А. Доржиева). Книга эта увидела свет в 1993 г. (через год после смерти автора в 1992 г.) под названием *Buddhism in Russia: The Story of Agvan Dorzhiev, Lhasa's Emissary to the Tsar*. В предисловии Снеллинг выражает благодарность своим многочисленным русским информаторам, в их числе и «Ламе Самаеву, настоятелю Гунзэчойнэй дацана в Ленинграде». В последней главе книги Снеллинг вспоминает свою поездку в Ленинград в мае 1991 г. и встречи с гелонгом Данзан-Хайбзуном Самаевым, которого называет «энергичным англоговорящим ламой из Южного Прибайкалья» («a vigorous English-speaking lama from southern Cis-Baikalia»), под началом которого обучалась в дацане группа «бритоголовых бурятских послушников» [Snelling, 1993: 266]. Вспоминая свой последний разговор с Самаевым, Снеллинг пишет, что Самаев выразил твёрдую уверенность в том, что буддизм предлагает людям «нечто особенное для заполнения духовного и идеологического вакуума, существующего в стране» [Snelling, 1993: 267]. И чуть ранее: «Лама Самаев планирует полностью реставрировать храм и вернуть ему похищенные ценности из Музея истории религии и атеизма, и затем он надеется создать монастырскую школу и свое издательство». Д. Снеллинг также сообщает, со ссылкой на А. И. Бреславца¹³, что Самаев собирается превратить деревянный домик в пос. Орлик (где он родился), который некогда принадлежал

¹² Геше Вангьял (ок. 1901—1983), этнический калмык, получил духовное образование и степень геше в Гоман-дацане тибетского монастыря Дрэпун. С 1955 г. проповедовал в США, в 1958 г. учредил в г. Вашингтоне (штат Нью-Джерси) монастырь Лабсум Шедрублин, а в 1972 г. — Буддийский институт.

¹³ А. И. Бреславец (р. 1947) — переводчик буддологических текстов с английского языка. Поддерживал контакты с учеными-буддологами. Самостоятельно изучил тибетский язык. В конце 1980-х участвовал в процессе возвращения верующим дацана Гунзэчойнэй. Работал в Дацане в 1991—1992 гг. помощником ламы Д.-Х. Самаева. — *Примеч. авторов.*

А. Доржиеву, в буддийский храм в память о Доржиеве и уже заказал колонны для украшения его фасада [Snelling, 1993: 305]¹⁴.

Тесная творческая дружба связывала Д.-Х. Самаева с ученым-фармакологом, специалистом по тибетской медицине Донатасом Буткусом¹⁵ из Литвы. В 1993 г. Д. Буткус был оформлен консультантом по тибетской медицине при Петербургском дацане. Вот что он пишет о положении дел в этом дацане в тот период:

Только благодаря энергичным усилиям гелонга Данзан-Хайбуна дацан выживал, выживали и ламы, питаясь скудной спонсорской помощью, которая поступала из стран Центральной Европы. И эта спонсорская помощь поступала только благодаря авторитету гелонга Данзан-Хайбуна среди западных буддистов [Шаглахаев, 2014: 141].

Важным направлением деятельности Д.-Х. Самаева было создание при Дацане культурно-просветительского центра. Этот проект осуществлялся в тесном сотрудничестве с Бурятским культурным центром, который и сегодня возглавляет А. О. Бороноев — известный ученый-социолог, заслуженный деятель науки РФ, профессор СПбГУ.

О. С. Хижняк (канд. филос. наук ведущий научный сотрудник Музея истории религии), активно включившаяся в эту работу, пишет:

По инициативе проф. А. О. Бороноева Дацаном совместно с Бурятским культурным центром в 1992 г. был создан Университет буддийской культуры, действовавший в течение трех лет. Лекции читались для широкой аудитории в помещении факультета социологии ведущими буддологами Санкт-Петербурга — сотрудниками Института востоковедения РАН, Эрмитажа, Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры), Государственного музея истории религии [Хижняк, 2006: 35].

Среди лекторов Университета были известные ученые-востоковеды и буддологи: доктор филос. наук профессор В. И. Рудой (1940—2009), доктор филос. наук Е. П. Островская, доктор филос. наук профессор Е. А. Торчинов (1956—2003), канд. филос. наук религиовед

¹⁴ Эти планы были осуществлены. Ныне в поселке Орлик (Окинский район Республики Бурятия), в доме, принадлежавшем Агвану Доржиеву, находится буддийский *дуган*. — *Примеч. авторов.*

¹⁵ Донатас Буткус (р. 1939) — исследователь индо-тибетской медицины, буддолог. Окончил медицинский институт в Каунасе (1962), с 1965 по 1968 г. был аспирантом Химико-фармацевтического института в Ленинграде). Его судьба тесно связана с Бурятией, поскольку он — ученик выдающегося духовного учителя и ученого Б. Д. Дандарона (1914—1974). В 1972 г. арестован в связи с «делом Дандарона», год находился в заключении. Автор многочисленных работ по тибетской медицине.

О. С. Хижняк, канд. филос. наук буддолог А. А. Терентьев, доктор ист. наук индолог Н. Г. Краснодембская, доктор ист. наук индолог С. А. Маретина (1929—2013). Лама Д.-Х. Самаев сам много выступал с лекциями, участвовал в конференциях и семинарах, преподавал в воскресной школе для детей бурятской и калмыцкой общин Санкт-Петербурга, открытой при Дацане.

Данзан-Хайбзун был автором концепций концертов и праздников, посвященных бурят-монгольской буддийской культуре. Реализацией этих проектов занималась В. Б. Доржина — режиссер, преподаватель, ныне заслуженный деятель культуры России.

В числе наиболее заметных мероприятий первых лет после открытия Дацана были празднование 250-летия официального признания буддизма в России (1991) и выставка «Буддизм. Природа. Человек» (1993), организованная совместно с такими крупными музеями Санкт-Петербурга, как ГМИР и РЭМ. Выставка эта, с успехом прошедшая в Российском этнографическом музее, стала второй выставкой столь крупного масштаба после Буддийской выставки 1919 г. Одной из концептуальных основ экспозиции была идея нераздельности буддийских этических принципов и добуддийских представлений о гармоничном сосуществовании человека и природы. Как пишет проф. А. О. Бороноев, «Федор Сергеевич фактически стоял у истоков новой экологонравственной философии, основанной на принципах буддийского мировоззрения и современного дискурса» [Бороноев, 2006: 24—25].

Лама Д.-Х. Самаев считал очень важным направлением работы издательскую деятельность и создал при Дацане издательский отдел, который действовал с 1991 по 1997 г. Издательский отдел выпускал переводы буддийской классики, научно-популярную литературу, буддийские календари, буклеты и, с появлением тибетских компьютерных шрифтов, тексты, необходимые для буддийских служб и практик. Этой работой под руководством ламы Д.-Х. Самаева занимались Е. Ю. Харькова (редактор) и гецул Чжампа Лодэн (А. В.) Морозов (компьютерная подготовка изданий).

Благодаря усилиям Д.-Х. Самаева в Санкт-Петербургском дацане была установлена и освящена пятиметровая алтарная статуя Будды Шакьямуни. О церемонии освящения статуи Санкт-Петербургский буддийский журнал «Гаруда» писал:

22 мая 1994 г. дацан Гунзэчойнэй, ныне буддийский монастырь, вновь обрел свою главную святыню. Этому дню предшествовали восемь месяцев работы. Статуя создавалась на месте по заказу дацана группой монгольских, бурятских и русских мастеров согласно наставлениям ламы Данзана — настоятеля дацана Калачакры в Улан-Баторе, известного монгольского знатока буддийской иконографии и мастера

по изготовлению скульптуры. Вся композиция выполнена в традиционной монгольской технике папье-маше [Гаруда, 1994, № 3: 1—3]¹⁶.

Как пишет лама Даши Шаглахаев, Данзан-Хайбзун, исполняя наказ своего учителя *кенсура* Агван-Нимы: «*Буряадта байһан „Бриша“ хамгаалхаши*» («защитить Атлас тибетской медицины, находящийся в Бурятии»), пришел к мысли, что сохранение Атласа в тяжелые для страны 1990-е гг. было возможно только путем проведения выставки этого ценного памятника за рубежом [Шаглахаев, 2014: 40].

В 1998 г. благодаря посредничеству Д.-Х. Самаева появилась возможность провести выставку в США. Для обеспечения сохранности Атласа каждый лист его был обрамлен — помещен в особую защитную капсулу¹⁷. В августе 1999 г. Атлас, побывав в четырех городах США и в столице России Москве, благополучно вернулся в Улан-Удэ. Специалисты утверждают, что после обрамления этому уникальному памятнику в течение 200 лет не будут страшны ни ультрафиолетовые лучи, ни сырость, ни пыль. Таким образом, ламе Д.-Х. Самаеву удалось выполнить завет *кенсура* Агвана-Нимы. Лама Даши Шаглахаев считает, что «это был наказ самого *цэниаб-ринпоче* Агвана Доржиева, имевшего прямое отношение к Атласу и через ламу Агван-Ниму передавшего своим последователям завет спасти его» [Шаглахаев, 2014: 39].

Д.-Х. Самаев хорошо известен как общественный и государственный деятель. В 1994 г. он был избран депутатом Народного хурала республики Бурятия от Окинского избирательного округа. Одной из главных своих задач он считал сохранение природы и сакрального ландшафта Окинского и Тункинского районов. Лама Даши Шаглахаев пишет, что именно эта задача «лежала в основе таких инициатив ламы Д.-Х. Самаева, как создание Национального парка на территории Тункинского района Бурятии, основание экологического лицея на курорте „Аршан“, учреждение в 1992 г. общественного экологического движения АХАЛАР¹⁸ — „Ахимса. Альтруизм. Арюн“ — и просветительского центра „Аригун“. Основная цель этого общественного движения — популяризация экологических традиций для гармонизации от-

¹⁶ Журнал «Гаруда» выходил в Санкт-Петербурге с 1992 по 1998 г. Главным редактором журнала — В. М. Монтлевич (р. 1940), искусствовед, редактор, один из учеников выдающегося бурятского духовного учителя Б. Д. Дандарона (1914—1974).

¹⁷ Каждый лист был помещен в раму под стеклом, но между листом и стеклом было пространство. Таким образом, это была трехмерная капсула и рама одновременно.

¹⁸ Три «А» в аббревиатуре АХАЛАР означают начальные буквы в кириллице, латинице и в вертикальной бурят-монгольской письменности. Эти три «А» показывают, что основа всего — это знание, образование, что применение ненасильственных методов есть начало пути к выживанию человечества.

ношений человека с природой, формирование у населения сознания ответственности перед природой, содействие формированию правильного понимания принципа Арюун (Аригун) — принципа чистоты сознания и чистоты окружающей среды» [Лама Даши Шаглахаев, 2009: 32]. Профессор А. О. Бороноев дал следующую оценку творческих поисков и философских взглядов Д.-Х. Самаева:

Будучи настоятелем самого крупного буддийского храма в Европе, он стремился познать современные экологические проблемы как важный элемент духовности современного мира. Его беспокоили вопросы нравственности, нравственного воспитания. Он высказывал глобально-гуманистические идеи, они имели в своей основе эколого-нравственную мотивацию, суждения, где имело место соединение буддийских традиций и современных взглядов [Бороноев, 2006: 24—25].

Деятельность его в Оке и Тунке была многообразна и очень плодотворна: в 1995 г. была проведена Гэсэриада, посвящённая тысячелетию эпоса «Гэсэр», в эти же дни проходила международная конференция «Ахалар»; лама Самаев вел работу по защите и сохранению уникальных целебных источников в местности Шумак в Окинском районе Бурятии. В 1997 г. под его руководством там был построен восьмистенный буддийский *дуган* (молитвенный дом).

В 2001 г. им было организовано восхождение буддийских лам Саянского нагорья на самую высокую точку Восточной Сибири — гору Мунко-Саридак (3491 м). На вершине Мунко-Саридака были оставлены голографическое изображение Сандалового Будды, капсула с Алмазной сутрой и другими буддийскими символами. Среди них — ритуальные предметы, переданные учеником Агвана Доржиева Геше Вангьялом из США. После восхождения в местности Вышка близ источника Жемчужина в Тункинском районе Данзан-Хайбзун начал строительство здания Духовной академии, где в 2004 г. стал вести преподавательскую работу.

Лама Самаев положил начало проекту возрождения окинских сойотов, малочисленного народа, находящегося на грани исчезновения. Центром «Аригун» издавались материалы, посвященные им, к проблеме сойотов было привлечено внимание этнографов, администрации Окинского района и Правительства РФ. 24 марта 2000 г. вышло Постановление Правительства России «О едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации», в этот Перечень, благодаря усилиям ламы Д.-Х. Самаева, были внесены окинские сойоты.

Внезапная гибель ламы Д.-Х. Самаева в автокатастрофе потрясла всех, кто его знал. Авария случилась по дороге в Оку, куда он ехал на конференцию, посвященную Окинскому району и его жителям — сойотам и бурятам. Он ушел 11 июля 2005 г., в день большого буддийского праздника, в день Будды Майтреи. 15 июля 2008 г. у реки Белый

Иркут была возведена и освящена в память о нем гранитная ступа *Номын хурдэн субурган*¹⁹.

Стали уже традицией научно-практические конференции — Самаевские чтения, которые проводятся в его память. Четвертые, юбилейные, Самаевские чтения прошли в Национальной библиотеке Республики Бурятия (Улан-Удэ) 17 июля 2014 г.

Вся деятельность ламы Д.-Х. Самаева характеризует его как яркую личность, как человека, прожившего сложную, но чрезвычайно насыщенную жизнь, которую он посвятил духовным поискам, служению российскому буддизму и своему народу. Его бескорыстный подвижнический труд был оценен общественной наградой: 31 марта 1998 г., в день своего рождения, за особые заслуги перед Отечеством в деле развития духовности он был награжден Орденом Достоинства первой степени (Святой Георгий с мечом) Российской палаты личности.

Его человеческие качества очень точно описала его сестра З. С. Самаева:

Тончайший психолог, человек с тонким юмором, с которым можно было обсудить любую деталь повседневной жизни, любую глобальную политическую ситуацию в мире, какую-то линию развития общества, планеты в будущем и т. д. [Самаева, 2014: 25.]

Известный ученый-этнограф проф. Н. Л. Жуковская, словно продолжая эту мысль, так говорит о нем:

То, что с ним можно было разговаривать абсолютно на все сюжеты, связанные не только с буддизмом, но и с человеческой жизнью вообще, необыкновенно поднимало его авторитет в глазах многих людей, в частности ученых-исследователей, которые занимались изучением отнюдь не только буддизма [Он ушел, чтобы вернуться, 2005: 9].

А. И. Андреев вспоминает:

Ф. Самаев запомнился мне как открытый, интеллигентный, дружелюбный и очень общительный человек. С ним легко было беседовать на любую тему, и он всегда был готов оказать поддержку проектам, способствующим возрождению буддизма в России²⁰.

Духовное влияние Самаева на современников было настолько велико, что и многие старые ламы, и его молодые ученики признавали его воплощением *ценшан-хамбо* Агвана Лобсана Доржиева, который был выдающейся фигурой в истории российского буддизма, человеком, влиявшим на ход мировой истории в конце XIX—начале XX в.

¹⁹ Ступа Поворота колеса учения, один из восьми канонических видов ступ.

²⁰ Электронное письмо А. И. Андреева Б. М. Нармаеву от 27 октября 2014 г.

В заключение искренне благодарим всех авторов, откликнувшихся и приславших свои воспоминания о Ф. С. Самаеве (ламе-гелонге Данзан-Хайбзуне): З. С. Самаеву, Н. Л. Жуковскую, Н. Д. Болсохоеву, Б. Б. Бадмаева, А. И. Андреева, Т. С. Есенову, О. С. Хижняк, Д. Буткуса, Л. Д. Халупкову и других.

Список литературы

Андреев, 2004: *Андреев А. И.* Храм Будды в Северной столице. СПб. : Нартанг, 2004.

Болсохоева, 2008: *Болсохоева Н. Д.* Жизнь и деятельность геше лхарамбы Агван Нимы (1907—1990), коренного гуру ламы-гелонга Д.-Х. Самаева // Священные ландшафты Саянского нагорья. Материалы круглого стола с международным участием. Улан-Удэ, 2008. С. 97—108.

Бороноев, 2006: *Бороноев А. О.* О творческих поисках Федора Самаева (ламы-гелонга Данзан-Хайбзун Самаева) // Экологические проблемы и духовные традиции народов Байкальского региона : Материалы науч.-практ. конф. Улан-Удэ, 2006. С. 23—25.

Гаруда, 1994: Освящение большой алтарной статуи Будды в Дацане Гунзчойнэй 22 мая 1994 г. // Гаруда. 1994. № 3. С. 1—3.

Кенсур Агван Нима, 1996: *Кенсур Агван Нима.* Переправа через реку Сансары. Автобиография / пер. с тиб. ламы Баира Очирова. Улан-Удэ, 1996.

Лама Даши Шаглахаев, 2009: *Лама Даши Шаглахаев.* Лама-гелонг Данзан-Хайбзун Самаев — продолжатель идей Агвана Доржиева // Третьи Доржиевские чтения : сб. материалов конф. СПб., 2009. С. 30—35.

Лама Данзан-Даши, 2011: *Лама Данзан-Даши (В. А. Шаглахаев).* Обрамление Атласа тибетской медицины ламой Данзан-Хайбзуном Самаевым // Четвертые Доржиевские чтения : сб. материалов конф. СПб., 2011. С. 38—42.

Лувсандорж, 2006: *Лувсандорж Ж.* О моем ученике Федоре Самаеве // Экологические проблемы и духовные традиции народов Байкальского региона : Материалы науч.-практ. конф., посвященной памяти ламы-гелонга Данзан-Хайбзуна Самаева. Улан-Удэ, 2006. С. 25—31.

Он ушел, чтобы вернуться, 2005: Он ушел, чтобы вернуться... Вечер памяти ламы-гелонга Д.-Х. Самаева 23 июля 2005 г. Улан-Удэ, 2005.

Самаева, 2014: *Самаева З. С.* Встреча на пути. Воспоминания, посвященные брату, Д.-Х. Самаеву. Рукопись. 2014.

Хижняк, 2006: *Хижняк О. С.* Просветительская деятельность настоятеля буддийского храма Ф. С. Самаева в Петербурге // Экологические проблемы и духовные традиции народов Байкальского региона : Материалы междунар. конф., посвященной памяти ламы-гелонга Д.-Х. Самаева. Улан-Удэ, 2006. С. 32—37.

Шаглахаев, 2014: *Шаглахаев В. А.* У подножия Алтан Мондарга. Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2014.

Snelling, 1993: *Snelling J.* Buddhism in Russia: The Story of Agvan Dorzhiev, Lhasa's Emissary to the Tsar. Dorset : Element Books Ltd.; Rockport MA : Element Inc., 1993.

Список сокращений

- АХАЛАР — Ахимса. Альтруизм. Арюун (общественное природоохранное движение)
- БГУ — Бурятский государственный университет
- ГМИР — Государственный музей истории религии
- ИВКА РГГУ — Институт восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета
- СПбФ ИВ РАН — Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения Российской Академии наук
- ИВР РАН — Институт восточных рукописей Российской Академии наук
- ЛГУ — Ленинградский государственный университет
- МАЭ РАН — Музей антропологии и этнографии Российской Академии наук
- РЭМ — Российский этнографический музей
- СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет
- ЦДУБ СССР — Центральное духовное управление буддистов СССР

Badma M. Narmayev, Elena Yu. Kharkova

Lama Tenzin Khetsün Samayev

Remembered by Friends, Colleagues, and Relatives

The present paper is dedicated to the memory of Tenzin Khetsün (Fiodor Sergeevich) Samayev (1954—2005), who was a well-known religious leader, as well as an influential state and public figure of the 1990s. An educated Buddhist monk, who studied in Mongolia and India, Lama Samayev devoted his entire life to the revival of Buddhism in Russia. During the crucial years of political and social changes, he headed Küntsechoinei Datsan in St. Petersburg and restored it as a religious, educational and cultural center. One of the most significant aspects of his work was the endeavor to save the nature and sacred landscape in his native Oka and Tunka Regions in the Republic of Buryatia.

The authors cite here a few previously published memoirs about Tenzin Khetsün Samayev and present some new ones.

Key words: Tenzin Khetsün Samayev, Buddhism in Russia, Küntsechoinei Datsan in St. Petersburg, Oka and Tunka Regions of the Republic of Buryatia.